СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации

Утреннее заседание 16 декабря

ХАРЬКОВ, 17 декабря. (ТАСС). По окончании допроса подсудимого **Рица**, после пятнадцатиминутного перерыва, утреннее заседание 16 декабря продолжается.

Допрашивается подсудимый **Рецлав**.

Прокурор. — Скажите, подсудимый Рецлав, из какой семьи вы происходите, какое имеете образование?

Рецлав. — Мой отец был служащим больничной страховой кассы. Я имею среднее образование.

Прокурор. — Чем вы занимались до войны?

Рецлав. — Я был заместителем начальника отдела по рассылке газет в редакции франкфуртской газеты.

Прокурор. — С какого времени вы служите в германской армии?

Рецлав. — С мая 1940 года.

Прокурор. — В качестве кого вы служили в германской армии?

Рецлав. — В начале мая 1940 года я получил подготовку в качестве радиста в артиллерийской части. Затем, совершив поход во Францию, я был переведен в охранный батальон, дислоцировавшийся вначале во Франции, а затем в Померании.

Прокурор. — Что это за охранный батальон?

Рецлав. — Этот батальон занимался охраной пленных, причем тогда мы охраняли французов и бельгийцев.

Прокурор. — Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был назначен в этот батальон, так как находился в том возрасте, который после французского похода уже не призывался в действующую армию.

Прокурор. — Этот батальон был подчинен германской тайной полиции?

Рецлав. — Нет, он скорее являлся ополченским. В мае 1941 года из этого батальона я был переведен в батальон особого назначения «Альтенбург».

Прокурор. — Расскажите подробно, что из себя представляет батальон «Альтенбург».

Рецлав. — Батальон «Альтенбург» является школой, где проходили подготовку чиновники германской тайной полевой полиции.

Прокурор. — Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был направлен командованием.

Прокурор. — Сколько в этом батальоне было человек?

Рецлав. — Количество личного состава батальона колебалось, но в то время, когда я обучался, там находилось около 200 человек.

Прокурор. — Кого готовил этот батальон?

Рецлав. — В этом батальоне подготовлялись чиновники германской тайной полевой полиции. Это была единственная в Германии школа, где они проходили подготовку. Обучение охватывало военную подготовку и специальную подготовку по линии службы тайной полевой полиции.

Прокурор. — Какие дисциплины изучались в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — В этом батальоне

Рецлав. — Да, так было в большинстве случаев.

Прокурор. — Были ли случаи, когда фабриковались дела, фальсифицировались показания?

Рецлав. — Да, все это имело место и довольно часто, можно сказать, что это было в порядке вещей.

Прокурор. — Кроме расстрелов и виселиц, еще к каким способам уничтожения советских людей прибегала тайная полевая полиция?

Рецлав. — Кроме этого, насколько я знаю, применялась «газовая машина».

Прокурор. — Что из себя представляет «газовая машина»?

Рецлав. — Когда я в марте 1942 года зашёл во двор харьковской тюрьмы, я увидел там большую закрытую автомашину, окрашенную в тёмносерый цвет.

Прокурор. — Один раз видели эту машину или несколько раз?

Рецлав. — После этого я часто видел указанную машину.

Прокурор. — Расскажите всё, что вам известно о применении «газовой машины».

Рецлав. — В марте 1942 года я увидел во дворе харьковской тюрьмы стоявшую автомашину. Я спросил знакомого мне солдата харьковской команды СД Каминского, для чего применяется эта машина, так как мне было известно, что до сих пор на расстрел возили в машине открытого типа. На это Каминский ответил, что эта машина является новым методом истребления русских, сокращающим много времени. Далее Каминский об'яснил, что отработанные газы, поступающие из мотора в кузов автомашины, через некоторое время отравляют находящихся в машине людей. Я сам в середине и в последних числах мая получил от комиссара полиции Кархан указание передать 20 человек, арестованных по подозрению в антинемецкой деятельности, в распоряжение службы безопасности СД. Вместе со мной были фельдфебель Фольман и унтер-офицеры Тецман и Герлиц. По приходе в канцелярию тюрьмы я увидел там штурмфюрера СД Фрезе. Я доложил ему о цели своего прихода, на что Фрезе сказал, что как раз сегодня тюрьма подлежит очистке, и предложил мне принять в этом участие. Вскоре в тюремную канцелярию явился штурмбанфюрер доктор Ханебиттер, предложивший всем сотрудникам выйти во двор. Когда мы вышли во двор, то к дверям тюрьмы под'ехала «газовая машина». Доктор Ханебиттер приказал нам забрать из камер арестованных. У меня был на руках список с именами 20 заключенных. Я их вызвал из различных камер, после чего им было приказано построиться в коридоре. Затем некоторым из них было об'явлено, что они переводятся в другую тюрьму, а другим было сказано, что их переводят в лагерь. После этого арестованные были выведены во двор тюрьмы, где перед выходом уже стоял «газовый автомобиль». Там сотрудники СД производили погрузку арестованных в машину, и мы присутствовали и при [illegible] этой партии. Правда, назначение газового автомобиля держалось

факел внутрь барачного помещения и подожгли его. Я видел ещё 6 подобных бараков, сожженных таким же способом.

Далее подсудимый Рецлав показывает, что он видел эти сожжённые бараки и знает, что и в них были также сожжены трупы людей, умерщвлённых в «газовом автомобиле».

Прокурор. — С какой целью умерщвлённые в «газовой машине» сжигались в бараках?

Рецлав. — Это было вызвано тем, что назначение «газовой машины» должно было держаться в строгой тайне, поэтому и следы её работы — трупы — должны были быть сожжены.

Прокурор. — У меня вопросов к подсудимому больше не имеется.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, в каких оккупированных советских городах вы работали?

Рецлав. — Я был в июне 1942 года в городе Житомире, работал в 560-й группе тайной полевой полиции. 560-я группа тайной полевой полиции была придана к штабу шестой германской армии и вместе с этой группой я был в городах Иваньков, Переяслав, Лубны, Полтава.

Председатель. — Были ли вы в Житомире?

Рецлав. — В Житомире я был со второй половины июня до сентября месяца.

Председатель. — Во всех этих городах вы тоже занимались уничтожением советских людей?

Рецлав. — Да, во всех этих городах группа «ГФП», — тайной полевой полиции — проводила аналогичную деятельность.

Председатель. — Сколько было уничтожено советских людей в тех городах, в которых вам приходилось бывать?

Рецлав. — Только тайной полевой полицией в городе Житомире было уничтожено, примерно, 5—8 тысяч человек. Точную цифру я затрудняюсь назвать.

Председатель. — На предварительном следствии вы называли количество истреблённых советских людей также в Переяславе и Лубнах?

Рецлав. — Да, называл, но в этих городах уничтожением советских граждан занимались органы СД. Мне известны следующие данные: в Киеве было уничтожено 35.000 советских граждан, в Лубнах — 4.000, в Переяславе — 2.000. В отношении Полтавы я сведениями не располагаю.

Председатель. — В уничтожении какого количества советских граждан вы принимали непосредственное участие?

Рецлав. — При моем участии в «газовую машину» было погружено не более 40 человек. Кроме того, по приказанию комиссара полиции Мериц, находясь в городе Житомире, я принимал участие в массовых расстрелах.

Председатель. — Кто еще занимался массовыми расстрелами?

Рецлав. — Все работники 560-й группы тайной полевой полиции.

Рецлав. — Подобный метод был применен мною два раза: один раз в апреле — по приказанию комиссара полиции Кархан, а другой раз позднее по приказу комиссара полиции Вульф. Здесь дело касалось рабочих электростанции.

Председатель. — Кто командовал батальоном, в котором вы обучались?

Рецлав. — Батальоном командовал Кроне.

Председатель. — Кто читал вам лекции об истреблении советских людей?

Рецлав.—По знакам различия это были руководящие сотрудники германской тайной полевой полиции, но так как на курсах они не постоянно преподавали, а делали лишь доклады, я их фамилии не знаю.

Председатель. — Не помните ли фамилии двух рабочих Харьковского тракторного завода, которые были умерщвлены в «газовой машине», и тех 15 рабочих, которые были расстреляны?

Рецлав. — Нет, не помню. За время моей работы мне пришлось возиться с таким большим числом арестованных и пленных, что запомнить все эти русские фамилии я не в состоянии.

Председатель. — Часто ли приходилось вам быть при погрузке советских людей в «газовую машину»?

Рецлав. — Лично я только два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», но видеть мне «газовый автомобиль» приходилось часто, так как я ежедневно совершал обход харьковской тюрьмы.

Председатель. — Расскажите, подсудимый, как происходила посадка людей в машину, особенно женщин и детей.

Рецлав. — Вообще погрузка в «газовый автомобиль» происходила сравнительно спокойно, так как в большинстве случаев люди не знали цели и назначения этой машины, но бывало, что один или несколько человек стариков, женщин и детей доставляли нам затруднения. В таких случаях сотрудникам СД приходилось понукать их ударами прикладов и палок.

Председатель. — Признаете ли вы, что систематически занимались истреблением советских людей?

Рецлав. — Да, признаю, хотя я и делал это все по приказу моего непосредственного командования.

Председатель. — От кого же исходили указания по истреблению советских людей?

Рецлав. — Я получал приказы от своих начальников. Хочу также добавить, что германский народ годами воспитывался национал-социалистскими руководителями в духе проведения подобной политики.

Председатель. — (Обращаясь к защите). Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Казначеев. — Подсудимый Рецлав, вы рассказали здесь о ряде зверств, и я буду вас просить уточнить, в какой мере вы лично считаете себя ответственным за совершённые злодеяния?

Рецлав. — Господин Казначеев, я признаю себя виновным во всех преступ-

Казначеев. — Чиновником полиции вы прослужили около года?

Рецлав. — Да.

Казначеев. — Больше вопросов к подсудимому Рецлаву не имею.

Председатель. — На очереди допрос подсудимого Буланова. Прокурор имеет вопросы?

Прокурор. — Да. Подсудимый Буланов, сколько времени вы прослужили в гестапо и «зондеркоманде»?

Буланов. — В гестапо я прослужил с октября 1941 г. по февраль месяц 1943 г.

Прокурор. — В каких городах протекала карательная деятельность «зондеркоманды»?

Буланов. — Как мне известно, карательная деятельность нашей команды протекала в городе Харькове и в станице Нижне-Чирской.

Далее подсудимый Буланов подробно излагает факты зверской расправы с гражданским населением, которая проводилась «зондеркомандой» в Харькове, станице Нижне-Чирской и других районах. Работая в качестве шофера «зондеркоманды», Буланов неоднократно присутствовал при расстрелах мирных советских граждан.

Прокурор. — Вы лично принимали участие в расстрелах советских людей, когда и где это происходило?

Буланов. — Да, работая шофером гестапо, мне приходилось часто ездить на расстрелы, а также на аресты советских граждан в городе Харькове, в станице Нижне-Чирская и в других районах.

Прокурор. — Вот, расскажите об этом подробно.

Буланов. — В начале декабря месяца 1941 года в Харькове по приказанию шефа гестапо было расстреляно около 900 человек, находившихся на излечении в харьковской больнице.

Прокурор. — Какое вы участие принимали в этом деле?

Буланов. — Мне было предложено подать трёхтонную машину в распоряжение харьковской больницы. Когда я прибыл в харьковскую больницу, туда прибыли также кроме моей машины ещё 9 грузовых трёхтонных автомобилей.

Прокурор. — Сколько рейсов сделали?

Буланов. — Мне пришлось сделать четыре рейса, за которые я доставил к месту расстрела, примерно, около 150 человек.

Прокурор. — Видели ли вы, как расстреливали немцы?

Буланов. — Да.

Прокурор. — Расскажите, как это происходило?

Буланов. — Когда я прибыл в больницу, то мне было сказано, чтобы я подал машину к одному из больничных корпусов. В этот момент гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в машины. После погрузки, в сопровождении немцев, я повёз машину к месту расстрела. Это место на-

Прокурор. — В каком же возрасте были дети?

Буланов. — Дети были в возрасте от 6 до 12 лет.

Прокурор. — Вы, Буланов, видели «газовую машину», в которой люди умерщвлялись окисью углерода?

Буланов. — В январе 1942 года к нам в гараж из Германии прибыла такая автомашина. Немцы эту машину называли «газенваген».

Прокурор. — А ремонтировать вам её приходилось?

Буланов. — Приходилось мне также её ремонтировать и производить чистку. При производстве чистки машины я видел внутри кузова, когда выметал, детские шапочки, башмачки, очевидно, спавшие с умерщвлённых детей.

Прокурор. — Расскажите подробно, что из себя представляла эта машина, устройство её, как она выглядит, как умерщвлялись люди в этой машине?

Буланов. — Эта машина представляет из себя двухосный, огромных размеров автомобиль, тоннажем примерно 5—7 тонн. Окрашена она в серую краску. На ней поставлен шестицилиндровый мотор. Кузов этой машины имеет двухстворчатую дверь, герметически закрывающуюся. Герметичность достигалась, очевидно, при помощи каучуковой прокладки, которая была на дверцах.

Прокурор. — Это прокладка дверей?

Буланов. — Да, прокладка дверей, внутри кузов обит оцинкованным железом, внизу кузова находится деревянная решетка.

Прокурор. — То-есть эта решетка представляет из себя пол?

Буланов. — Да, как бы пол, на который становятся ногами арестованные. Внизу машины находится выхлопная труба мотора, от которой через специальный шланг в кузов проходит отработанный газ. Когда люди погружаются в автомобиль, он закрывается, включается мотор и идёт до места выгрузки. В этот период люди умерщвляются.

Прокурор. — Вы много раз наблюдали, как грузили людей в «газовую машину»?

Буланов. — Мне приходилось наблюдать погрузку несколько раз, а выгрузку приходилось наблюдать 20 с лишним раз.

Прокурор. — Кто из немцев обслуживал эту машину?

Буланов. — Шофером на этой машине был немец лет 35—36, вид у него был болезненный. Фамилии его я не знаю.

Прокурор. — А по чьему приказанию эта машина использовалась, знаете?

Буланов. — По приказанию шефа гестапо.

Прокурор. — Как фамилия?

Буланов. — Фамилии шефа я хорошо не помню, как будто Ханебиттер.

Прокурор. — Какое участие вы принимали в погрузке в эту машину?

Буланов. — Мое участие выражалось в том, что я возил [illegible] на место выгрузки.

бург»?

Рецлав. — Батальон «Альтенбург» является школой, где проходили подготовку чиновники германской тайной полевой полиции.

Прокурор. — Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был направлен командованием.

Прокурор. — Сколько в этом батальоне было человек?

Рецлав. — Количество личного состава батальона колебалось, но в то время, когда я обучался, там находилось около 200 человек.

Прокурор. — Кого готовил этот батальон?

Рецлав. — В этом батальоне подготовлялись чиновники германской тайной полевой полиции. Это была единственная в Германии школа, где они проходили подготовку. Обучение охватывало военную подготовку и специальную подготовку по линии службы тайной полевой полиции.

Прокурор. — Какие дисциплины изучались в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — В этом батальоне велось преподавание в основном по следующим предметам: уголовное право, практика допросов, арестов, обысков, агентурная работа среди гражданского населения. Кроме того, нам читали специальные лекции.

Прокурор. — Какие именно?

Рецлав. — Руководящие чиновники гестапо нам читали специальные доклады, в которых освещалась роль германского народа как носителя высшей германской расы и его задачи по установлению «нового порядка» в Европе и связанных с этим мероприятий.

Прокурор. — Что же это за мероприятия?

Рецлав. — Нам говорили, что советский народ, как низшая раса, должен быть уничтожен.

Прокурор. — Следовательно, в батальоне вас обучали методам уничтожения советских людей?

Рецлав. — Да.

Прокурор. — Эта установка исходила от германского правительства?

Рецлав. — Да, эти установки германское правительство годами посредством печати, кино и радио внедряло в умы немцев.

Прокурор. — Следовательно, из вас готовили не чиновников, а палачей в этом батальоне?

Рецлав. — Да, как я позднее убедился на практике, так можно сказать.

Прокурор. — И в своей практической работе вы выполняли палаческие установки, которые получили в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — Да, я, так же как и другие чиновники тайной полевой полиции, выполнял эти указания.

Прокурор. — То-есть, вы принимали непосредственное участие в истреблении советских людей?

Рецлав. — Я должен признать, что по приказу своих непосредственных начальников я принимал личное участие в истреблении советских граждан.

Прокурор. — Расскажите, как вы истребляли советских граждан?

Рецлав. — Когда я был в г. Житомире, где располагалась 560 группа «ГФП» (тайная полевая полиция), то убедился, что те методы, которые нам преподавали, в практической работе применяются.

Прокурор. — Говорите конкретнее.

Рецлав. — Как правило, все лица, которые задерживались военными властями и передавались для следствия в «ГФП», подвергались сначала избиению. Если арестованный давал нужные нам показания, то избиения прекращались, а в отношении тех, которые показаний не давали, избиения продолжались и дальше, так что нередко бывали случаи смертельного исхода...

Прокурор. — Значит, если человек не признавался, его убивали, а если признавался — его расстреливали. Правильно ли?

ходе в канцелярию тюрьмы я увидел там штурмфюрера СД Фрезе. Я доложил ему о цели своего прихода, на что Фрезе сказал, что как раз сегодня тюрьма подлежит очистке, и предложил мне принять в этом участие. Вскоре в тюремную канцелярию явился штурмбаннфюрер доктор Ханебиттер, предложивший всем сотрудникам выйти во двор. Когда мы вышли во двор, то к дверям тюрьмы под'ехала «газовая машина». Доктор Ханебиттер приказал нам забрать из камер арестованных. У меня был на руках список с именами 20 заключенных. Я их вызвал из различных камер, после чего им было приказано построиться в коридоре. Затем некоторым из них было об'явлено, что они переводятся в другую тюрьму, а другим было сказано, что их переводят в лагерь. После этого арестованные были выведены во двор тюрьмы, где перед выходом уже стоял «газовый автомобиль». Там сотрудники СД производили погрузку арестованных в машину, и мы присоединили к ним приведенную нами партию. Правда, назначение «газового автомобиля» держалось в строгой тайне, но тем не менее, некоторым, очевидно, было известно о нём. Некоторые арестованные сопротивлялись при посадке в «газовый автомобиль», и при этом их ударами дубинок, прикладов и рукоятками пистолетов загоняли туда. Среди этих арестованных находились старики, женщины и даже дети. Как раз в тот день разыгралась дикая сцена. Женщины плакали, некоторые бросались на колени, умоляя сохранить им жизнь. Припоминаю случай, когда у одной женщины был вырван из рук ребёнок и она забилась в рыданиях, бросилась на стоящего офицера СД и расцарапала ему лицо. Этот офицер СД немедленно вынул пистолет и пристрелил женщину. Труп её был брошен солдатами СД в автомобиль.

Прокурор. — Сколько всего было уничтожено советских людей при помощи «газового автомобиля»?

Рецлав. — Со слов сотрудника СД Каминского мне известно, что в марте месяце было уничтожено всего 5.000 человек. Если учесть эту цифру и то, что «газовый автомобиль» совершал ежедневно свои смертные рейсы, то можно считать, что общее количество умерщвлённых в городе Харькове, примерно, 30.000 человек.

Прокурор. — Сколько советских людей уничтожено при помощи «газового автомобиля» и при вашем непосредственном участии?

Рецлав. — Я лично два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», в марте и июле 1942 года. Каждый раз я погружал до 20 человек.

Прокурор. — Как хоронились умерщвлённые в «газовом автомобиле» люди?

Рецлав. — Трупы умерщвлённых хоронились во рву, южнее Харькова, или сжигались.

Прокурор. — Почему сжигались?

Рецлав. — В конце марта 1942 года я получил приказ сопровождать «газовый автомобиль» и поехал в район бараков Харьковского тракторного завода. Когда мы туда прибыли, Ханебиттер приказал все автомашины, за исключением «газового автомобиля» и автомашины с сотрудниками СД, отвести в сторону. «Газовый автомобиль» остановился возле окрашенного в серый цвет барака. Сотрудники СД выпрыгнули из автомашины, на которой они приехали, и стали выгружать трупы умерщвлённых людей из «газового автомобиля» в этот барак. Когда я сам зашёл в барак, то увидел, что боковые помещения справа и слева от коридора барака были уже завалены трупами, очевидно, привезенными ранее.

Прокурор. — Сколько трупов, примерно, было в бараке вместе с привезенными?

Рецлав. — Количество их составляло, примерно, 300 — 350 трупов.

Прокурор. — Продолжайте показания.

Рецлав. — Когда привезенные нами трупы умерщвлённых людей были сложены в коридоре барака, то солдаты СД вошли в барак и облили бензином трупы. Также были облиты бензином наружные стены барака, затем солдаты СД бросили зажженный

следствии вы называли количество истреблённых советских людей также в Переяславе и Лубнах?

Рецлав. — Да, называл, но в этих городах уничтожением советских граждан занимались органы СД. Мне известны следующие данные: в Киеве было уничтожено 35.000 советских граждан, в Лубнах — 4.000, в Переяславе — 2.000. В отношении Полтавы я сведениями не располагаю.

Председатель. — В уничтожении какого количества советских граждан вы принимали непосредственное участие?

Рецлав. — При моем участии в «газовую машину» было погружено не более 40 человек. Кроме того, по приказанию комиссара полиции Мериц, находясь в городе Житомире, я принимал участие в массовых расстрелах.

Председатель. — Кто еще занимался массовыми расстрелами?

Рецлав. — Все работники 560-й группы тайной полевой полиции.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, расскажите, как вы фальсифицировали дела о рабочих, которых допрашивали?

Рецлав. — В апреле 1942 г. я получил приказание начальника тайной полевой полиции города Харькова комиссара полиции Кархан допросить двух арестованных. Кархан предупредил меня, что необходимо изобличить арестованных в партизанской деятельности и добиться от них показаний об их соучастниках. На допросе я установил, что оба арестованных были рабочими Харьковского тракторного завода. У меня создалось мнение, что эти лица невиновны, и я доложил об этом комиссару полиции Кархан. Кархан спросил меня: не применял ли я побои. Я ответил отрицательно. Тогда Кархан приказал мне избить арестованных. Я выполнил приказание Кархана, но это не дало желаемых результатов.

Председатель. — Расскажите подробно, как вы выполнили приказание Кархана?

Рецлав. — Я одолжил у фельдфебеля Тихнер принадлежащую ему резиновую дубинку, которой он обычно пользовался на допросах, и бил ею арестованных.

Председатель. — Добились ли вы этим чего-нибудь?

Рецлав. — Ничего я таким путем не добился и об этом доложил комиссару полиции Мелисс, который направился в кабинет, где я допрашивал. Мелисс сказал мне, что при допросах надо быть более изобретательными. Указывая на арестованных, он сказал: посмотрите, вот у этого арестованного чудесная борода. Выдерните из нее волосы, а другого поколите иголкой. Я выполнил и это приказание, но никаких результатов не добился.

Председатель. — Выдернули человеку всю бороду и не добились никаких результатов?

Рецлав. — Это не совсем так, я выдернул волосы из бороды одного арестованного, а другого я немного поколол иголкой. **(В зале движение).**

Председатель. — Скажите, что стало с рабочими, которых вы допрашивали?

Рецлав. — Мне так и не удалось добиться от них нужных показаний. Тогда комиссар полиции Кархан приказал мне через паспортное бюро города Харькова достать список рабочих Тракторного завода и выписать из него 15 фамилий. Я выполнил это приказание Кархана и на следующий день передал ему список на 15 рабочих. Мне известно, что двое арестованных, которых я допрашивал, были удушены «газовым автомобилем», а 15 рабочих, фигурировавших в моем списке, были расстреляны.

Председатель. — На этих 15 рабочих вы давали какое-либо заключение?

Рецлав. — Нет, вообще в тайной полевой полиции не заводилось никаких дел и не писалось никаких заключений. Я просто составил список и передал его комиссару полиции. И по списку они были расстреляны.

Председатель. — Как часто вы пользовались таким методом следствия?

систематически [illegible] советских людей?

Рецлав. — Да, признаю, хотя я и делал это все по приказу моего непосредственного командования.

Председатель. — От кого же исходили указания по истреблению советских людей?

Рецлав. — Я получал приказы от своих начальников. Хочу также добавить, что германский народ годами воспитывался национал-социалистскими руководителями в духе проведения подобной политики.

Председатель. — (Обращаясь к защите). Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Казначеев. — Подсудимый Рецлав, вы рассказали здесь о ряде зверств, и я буду вас просить уточнить, в какой мере вы лично считаете себя ответственным за совершённые злодеяния?

Рецлав. — Господин Казначеев, я признаю себя виновным во всех преступлениях, которые совершил по приказу моего непосредственного командования.

Казначеев. — Чем было обусловлено то, что, имея специальность радиста, вы были направлены в батальон по охране военнопленных, а затем в батальон «Альтенбург»?

Рецлав. — Когда я кончил своё обучение в качестве радиста, окончилась война с Францией и поэтому меня не использовали в качестве радиста, а направили в батальон по охране военнопленных. Далее, в связи с тем, что я являлся непригодным к действительной военной службе, а также в связи с тем, что по роду своей работы, как канцелярский служащий, я имел достаточную подготовку, меня направили в батальон «Альтенбург».

Казначеев. — Меня интересует вопрос о том, кто производил отбор в батальон «Альтенбург» и как он производился.

Рецлав. — В батальон «Альтенбург» меня отобрал бывший начальник батальона по охране военнопленных.

Казначеев. — Сколько времени вы пробыли в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — Курс, который проходили находившиеся в батальоне «Альтенбург», длился шесть недель.

Казначеев. — Все ли лица, находившиеся в батальоне «Альтенбург», направлялись в дальнейшем на службу в тайную полевую полицию?

Рецлав. — Нет, не все. По окончании курса всем было предложено написать подробно свою биографию, после чего часть курсантов была отправлена обратно по месту своей прежней службы.

Казначеев. — Вы сразу были направлены на службу и сразу стали чиновником полиции?

Рецлав. — Да, это было именно так. Я был направлен чиновником полиции. То же самое было и с большинством других, за исключением лишь небольшого числа, которые показали себя неспособными.

ние харьковской [illegible] был в харьковскую больницу, туда прибыли также кроме моей машины ещё 9 грузовых трёхтонных автомобилей.

Прокурор. — Сколько рейсов сделали?

Буланов. — Мне пришлось сделать четыре рейса, за которые я доставил к месту расстрела, примерно, около 150 человек.

Прокурор. — Видели ли вы, как расстреливали немцы?

Буланов. — Да.

Прокурор. — Расскажите, как это происходило?

Буланов. — Когда я прибыл в больницу, то мне было сказано, чтобы я подал машину к одному из больничных корпусов. В этот момент гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в машины. После погрузки, в сопровождении немцев, я повёл машину к месту расстрела. Это место находилось, примерно, в четырёх километрах от города. Когда я прибыл к месту расстрела, там уже стояли крики и плач расстреливаемых больных. Немцы расстреливали их на глазах у остальных больных. Люди молили о пощаде, падали в холодную грязь голыми, но немцы сбивали их в ямы, после чего производили расстрел.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно о расстреле детей в Нижне-Чирской детской больнице?

Буланов. — Летом, когда команда СД была разбита по отделениям и выехала в разные города, районы и местечки, то мне пришлось с отделением команды СД поехать в станицу Нижне-Чирская. Числа 25—26 августа 1942 года мне и шоферу Блохину было предложено приготовить машины. Когда машины были готовы, нам приказали вести их в Нижне-Чирскую детскую больницу. Когда мы приехали туда, то гестаповцы стали выводить детей из больницы и погружать в машины. Дети были оборванные, распухшие от голода. Многие дети сопротивлялись и не хотели погружаться в машину, но гестаповцы стали их уверять, что они поедут к дядям и тётям в город Сталинград. Некоторые дети, поддавшись уговорам, сели в машину, некоторые же сопротивлялись до конца, после чего гестаповцы насильно погрузили и их в машину, и мне было приказано застегнуть сзади машины брезент. Когда я выполнил это приказание, то в сопровождении немцев поехал на станцию Чирская, где за мостом, в 3—4 километрах от станицы Нижне-Чирская, была заранее приготовлена яма. Под'ехав к яме, я, по приказанию шефа отделения, а также и другие гестаповцы, стали водить детей к яме, около которой стоял гестаповец, немец Аликс, фамилии точно не знаю. В упор из автомата в голову он расстреливал детей, после чего сталкивал их в яму. Дети, видя происходившее, вырывались и кричали: «Дядя, я боюсь», «Дядя, я хочу жить, не стреляйте в меня» и т. д., но на это немцы не обращали внимания.

как грузили людей в «газовую машину»?

Буланов. — Мне приходилось наблюдать погрузку несколько раз, а выгрузку приходилось наблюдать 20 с лишним раз.

Прокурор. — Кто из немцев обслуживал эту машину?

Буланов. — Шофером на этой машине был немец лет 35—36, вид у него был болезненный. Фамилии его я не знаю.

Прокурор. — А по чьему приказанию эта машина использовалась, знаете?

Буланов. — По приказанию шефа гестапо.

Прокурор. — Как фамилия?

Буланов. — Фамилии шефа я хорошо не помню, как будто Ханебиттер.

Прокурор. — Какое участие вы принимали в погрузке в эту машину?

Буланов. — Мое участие выражалось в том, что я возил полицейских на место выгрузки.

Прокурор. — Сколько раз?

Буланов. — Мне приходилось возить больше 20 раз за период с января по июнь 1942 года.

Прокурор. — Сколько же, таким образом, на ваших глазах, при вашем участии было умерщвлено людей этой машиной?

Буланов. — Когда я привозил полицейских на место выгрузки, мы выгружали трупы в бараки Харьковского тракторного завода, после чего гестаповцы зажигали эти бараки. Когда мы вновь приезжали на место, то бараки были уже сожжены. Таким образом мне приходилось сваливать трупы в два барака. Но до этого там были уже трупы. Точно определить я не могу, но приблизительно на моих глазах было сожжено до 600 трупов, а то и больше.

Прокурор. — Бараки эти сжигались на ваших глазах?

Буланов. — Я видел только, как их обливали какой-то жидкостью, но, когда зажигали бараки, мне не приходилось видеть.

Прокурор. — Приходилось видеть вам, как грузили в эти «душегубки» детей, грудных младенцев?

Буланов. — Неоднократно. Два или три раза приходилось видеть, как гестаповцы погружают женщин с детьми в «душегубки».

Прокурор. — Какое же вознаграждение от немцев вы получили за свою предательскую деятельность?

Буланов. — От немцев я получал содержание 90 марок или 900 рублей, также получал паек, солдатский. Кроме того, вещи от расстрелянных советских граждан, которые оставались, когда немцы отбирали себе лучшие, а прочее давали нам. **(В зале шум).**

Прокурор. — Что же, лучшие вещи немцы отправляли в Германию?

Буланов. — Хорошие вещи немцы отправляли в Германию.

Прокурор. — У меня вопросов нет.

Председатель. — Об'является перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание суда 16 декабря

Председатель. — Судебное заседание Военного Трибунала продолжается. Подсудимый Буланов, вам приходилось ремонтировать «душегубку»?

Буланов. — Да, мне приходилось ремонтировать «душегубку».

Председатель. — Вы показывали, что принимали участие в расстреле 60 детей?

Буланов. — Да, я рассказывал об этом.

Председатель. — Вы этих детей привозили к месту расстрела?

Буланов. — Да.

Председатель. — Из машины детей выводили вы?

Буланов. — Да, я, а также и другие гестаповцы.

Председатель. — Вы показывали, что за свою работу получали деньги и вещи расстрелянных. Какие вещи вы получили за свою работу?

Буланов. — Получил пальто для жены и себя, а также получил два костюма и обувь.

Председатель. — Подсудимый Буланов, из ваших показаний следует, что вы изменили Родине, продались немцам за 90 марок, принимали активное участие в систематических расстрелах и уничтожении ни в чём не повинных советских людей. Признаёте вы себя виновным в этом?

Буланов. — Да, признаю.

Председатель. — У защиты имеются вопросы к подсудимому?

Защитник Белов. — В процессе следствия вы рассказывали всё честно и искренно, как здесь на суде?

Буланов. — Нет, когда меня арестовали, я, боясь, что в прифронтовой полосе со мной могут поступить жестоко, скрыл свою работу в гестапо, когда же меня перевели в лагерь, я решил рассказать всю правду.

Белов. — Скажите, подсудимый Буланов, известно ли вам — успела ли эвакуироваться «зондеркоманда», в которой вы служили?

Буланов. — «Зондеркоманда», в которой я служил, успела эвакуироваться.

Белов. — У меня больше нет вопросов.

Председатель. — У подсудимых есть вопросы к Буланову?

Подсудимые через переводчика Иванову, переводившую им весь вопрос Буланова, ответили, что вопросов не имеют.

На этом допрос обвиняемых заканчивается. Председательствующий генерал-майор юстиции т. Мясников об'являет, что суд переходит к вопросу [illegible]

Из зала суда

Примечание к параграфу

Детей в возрасте от шести до двенадцати лет гонят конвейером к глубокому песчаному карьеру. Никто, ни мать, ни бабушка, не сопровождают их: они одни здесь, под этим равнодушным небом. Там, на краю карьера трудится толстошеий дядя в эсэсовской пилотке. Он строит лестницу, по которой ещё выше поднимается Германия к своему мировому господству. Каждый ребёнок — ступенька. Их пройдено миллион, миллиард их дожидает впереди. Надо рационально расходовать немецкую силу, чтобы её хватило на всех. Немец здорово приноровился к своей работе, он действует одновременно всем телом, как добрый аугсбургский станок, где ни одно движение не пропадает даром, — даже взгляд, как удар молотом, на мгновенье пеленгует ребёнка. Пачка выстрелов, удар коленом в плечико, и, запрокинув голову, ребятки сами валятся, как дрова, в детскую братскую яму.

У этого «труженика» ещё остаётся время перезарядить магазин автомата, пока подходит на разгрузку следующий фургон с детьми. Работа нетрудная и безопасная, дети безоружны. Фюрер повесит ему за это на шею медаль на муаровой ленте. «Дяденька, не надо меня, не надо, — кричит девчоночка на высокой ноте. — Я боюсь, дяденька». Впрочем, они все кричат так, уже такое их дело, а он продолжает кропить их смертной свинцовой росой.

Тебе не кажется, читатель, что детской кровью отпечатана газетная страница о процессе? И если только ты делаешь не ружьё, не пушку, не снаряд, тогда отложи в сторону свою работу и вооружись мужеством, не жмурясь, взгляни в лицо этой девчоночки, которую сбросили в карьер смерти. И повтори про себя её слова: — Дяденька, я боюсь.

И если не увлажнятся твои глаза, не сожмётся кулак от боли, повтори дважды этот предсмертный вопль безвинной девочки. И ты увидишь её, как наяву, её распахнутые ужасом глаза, её худенькую пробитую пулей шейку. И ты увидишь, что у неё лицо твоей милой дочки. И ты поймёшь, что ещё много надо не спать ночей, стрелять, жертвовать кровью и потом. И если ничего не окажется у тебя под руками, ты вырвешь сердце из себя, чтоб кинуть его в вервольфа с автоматом. Ибо можно убить и сердцем, когда оно окаменеет от ненависти.

Всё здесь рассказанное — не беллетристическая вольность, всё это — правда. Она произошла в августе 1942 года в станице Нижне-Чирская: именно так происходила там «разгрузка» детской больницы, и так хотели немцы произвести разгрузку мира от всех не немецких детей. Всего там было 900 ребят. Их отвёз к месту казни шофёр-предатель своего народа Михаил Буланов, пока ещё живая падаль. Он сделал много рейсов в тот день, ему приходилось и самому подтаскивать и ставить детей под дула эсэсовца. Вот он суеверно поглядывает на свои руки, может быть, припоминая, как были они тогда детскими ноготками исцарапаны, потому что вообще они шли неохотно, — так выразился сегодня в заседании суда офицер германской армии Лангхельд. Он, наверное, очень утомился в тот жаркий денёк, Буланов. Но детский крик: «Дяденька, я боюсь», он запомнил. Значит, это громче автоматной пальбы — это вышибает уши ему и теперь, когда он платком утирает орошённые слезой глаза. Значит, это заглушить нечем. Но какой же с чем несравнимой силы должен быть факт, чтобы исторгнуть слезу у палача!

Представляется чудовищным, что обо всем этом подсудимые говорят спокойно, без волнения, серым, обыденным голосом, — кажется, пролитое пиво огорчило бы их в большей степени. Вот, к примеру, допрос Лангхельда. Это пятидесятилетнее насекомое выглядит довольно моложаво. У него имеются внуки в Германии, и, видимо, он ещё надеется в старости, у тихого домашнего камелька рассказать им кое-что из своих боевых приключений в России. Он откашливается, чтобы свежее звучал голос, когда тоном учёного, сообщающего на корпоративном заседании о научной новинке, он повествует о «душегубке» — «газенвагене», его пропускной способности, его устройстве, о занимательности расстрела пленных из мелкокалиберных винтовок, — так как одной жертвы при этом хватало им надолго, — и о прочем. Кстати, это было изобретение одного штурмбанфюрера, некоего доктора Ханебиттера, видимо, порядочного стрелка по живым мишеням.

Вообще бросается в глаза, что в роли организаторов массового истребления мирного населения очень часто называются немцы с медицинским образованием: медфельдшера, доктора. Видимо, палачами в Германии назначаются преимущественно граждане с врачебными дипломами. Такие действуют тоньше, больней и искусней. На скамье подсудимых оный Ханебиттер пока не сидит. Лангхельд упоминает имя Ханебиттера спокойно, без оттенка порицания. Впрочем, эту скотину не волнует ничто. У него даже нехватает догадки сообразить, что матери и вдовы расстрелянных и забитых его палкой людей сидят в том же самом зале.

Вот партнёр Лангхельда по расправам и, надеемся, по предстоящей участи — Рип, заместитель командира карательной роты. Юрист, он изучал римское право в паршивом городке у себя, пока «фюрер» не призвал его к «великим делам». Вдовы и сироты Таганрога, как и других городов, должны хорошо знать этого служаку германской юстиции. О своих достижениях Рип повествует тоном напакостившего мальчугана, рассчитывающего, впрочем, что и на этот раз ему сойдёт с рук. Вместе с тем же доктором смерти Ханебиттером, которого, будем верить, Красная Армия еще изловит где-нибудь в украинских степях, он ездил, — из любознательности, по его словам, — под Харьков, где производился расстрел 3.000 человек — русских, украинцев, евреев. Дело происходило 2 июня прошлого года на красивой лужайке у ХТЗ, вид которой был несколько испорчен уже вырытыми могилами. Работавшие тогда три грузовика успели доставить на место около 300 человек. Их разделили на небольшие группы и, докурив скверные немецкие папиросы, принялись за работу.

— Ну-ка, вы, — сказал, протягивая Рипу автомат, все тот же Ханебиттер. — Ну, покажите, на что вы способны, молодой человек.

И Рип взял автомат и выпустил несколько очередей в ожидавших своей очереди харьковчан. Рип морщится: они были такие растерянные, полуголые, с обезумевшими глазами. Это несколько омрачило удовольствие приключения. Впрочем, он сделал это, якобы, только потому, что в противном случае Ханебиттер, старший в чине, мог дурно подумать о нем. И тогда оказалось, что это совсем быстро и легко. Только пришлось задержаться на одной женщине, которая пыталась собственным телом заслонить свою девочку. Но машинка действовала исправно, времени было много, день стоял отличный, все кончилось хорошо.

У этой немецкой сволочи был приятель Якобс, тоже сукин сын. Однажды Рип посочувствовал ему в смысле обширности замыслов его палаческой деятельности и недостаточности средств — дескать, Россия так велика, чорт возьми, и так много в ней живёт людей. «О, ничего, у нас есть специальные машины», — похвастал Якобс. (В эту минуту, в который уже раз на протяжении процесса, опять знаменитая «душегубка», урча и воняя окисью углерода, как бы въехала в зал судебного заседания). Рип заинтересовался. И тогда Якобс свёз его на другую площадку харьковского ада. Этот вергилий показал Рипу разгрузку машины, привезшей трупы отравленных. Кстати, они обошли и другие ямы. «А вот пассажиры вчерашней посадки», — сострил Якобс, подводя друга к плохо засыпанной яме, где уж никто не шевелился.

Рип произносит это просто, ибо всё это только деталь, маленькое примечание к одному параграфу в разработанном германском плане завоевания мира. Зал безмолвствует, и слышно только, как потрескивают юпитеры кинохроники.

— И что ж, пригодились вам при этом нормы римского права? — спрашивает военный прокурор.

— Нет, нам было приказано руководствоваться германо-арийским чувством.

Тут же он сообщает, что недавно разочаровался в теориях национал-социалистской партии, и вопросительно поглядывает то на судей, то в зал, точно ждёт, что ему дадут за это шоколадку.

...Там, на самом дне нижне-чирской ямы, под скорченными детскими телами, лежит великая истина, которую обязан извлечь оттуда и понять мир. Так жить нельзя, нельзя есть и спать спокойно, пока безымянная девчёночка, к которой никто не пришёл на помощь, кричит у песчаного карьера: «Дяденька, я боюсь». Если бы не тысячи, а только сто, даже десять, даже три таких убийства свершились на глазах у мира, и промолчал бы мир эту оплеуху подлецов, он не имел бы права на самое своё дыхание. Тогда дозволено всё, и нет правды, а есть только злой первобытный ящер, ставший на дыбы и кощунственно присвоивший себе звание человека. Но нет! Есть правда, и есть кому защищать её, и есть железо, чтобы отомстить за неё. Не муаровая лента фашистской медали сомкнётся у тебя на шее, убийца, а нечто другое, прочное, пеньковое и более приличное подлецу. Слушай нас, маленькая из братской ямы в Нижне-Чирской станице. Мир поднялся на твоё отмщение. Фашистская Германия слезами отмоет мир, забрызганный кровью из твоей простреленной шейки.

Леонид ЛЕОНОВ.

ХАРЬКОВ. (По телеграфу).

Правосудие свершается

— Какие мысли и чувства овладевают вами здесь, в зале судебного заседания по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и в Харьковской области? — С таким вопросом обратился наш специальный корреспондент к некоторым харьковчанам, присутствующим на процессе. Ниже мы публикуем их ответы.

Г. ПРОСКУРА — действительный член Академии наук УССР

Я старый харьковчанин, в этом городе я прожил 32 года. Легко представить себе, какую боль доставили моему старому сердцу руины и пепелища родного Харькова. Особенно бесчинствовали немецкие оккупанты в наших институтах, научно-исследовательских лабораториях, в школах и библиотеках. Они стремились стереть с лица земли нашу национальную культуру, научные и исторические ценности, накопленные веками упорного труда всего народа.

На этом суде во всей своей ужасающей полноте выясняются преступления немецких захватчиков, зверски истреблявших мирное население Украины. И облик нашего Харькова — центра науки и культуры Украинской республики, города, истерзанного врагом, является неотразимым обвинителем германской армии, нанесшей страшные раны культуре и науке моей родной страны.

Нужно ли говорить, какой радостью и глубоким удовлетворением охвачено всё твоё существо, когда ты видишь, что первые из пойманных гитлеровских разбойников сидят на скамье подсудимых перед советским судом и получат должное возмездие за свои преступления.

К. М. МАМОТЕНКО — директор завода «Свет шахтёра»

Сколько труда вложили наши люди в завод «Свет шахтёра» и создали первоклассное предприятие, детище сталинских пятилеток. Теперь вместо завода — груда развалин. Это сделали вот такие же Лангхельды, Рипы, Рецлавы, что держат сейчас ответ перед советским судом.

Мы были заняты созидательным трудом, строили заводы и фабрики, театры, клубы, санатории. А в это время фашистская Германия лихорадочно создавала самые изощрённые машины для истребления людей и разрушения материальных ценностей народов. Там воспитывалась армия человеконенавистников, жестоких и подлых садистов, убийц и грабителей. Вот они, представители этой армии, сидят на скамье подсудимых. Рядом с ними изменник родины, продавшийся врагу за лохмотья одежды, сорванной с убитых советских людей.

На нашем заводе, который возрождается на страшных руинах, проходят собрания и беседы, посвящённые харьковскому процессу. Нужно видеть, с какой ненавистью, с каким отвращением говорят рабочие о подсудимых, обвиняющихся на данном суде. И во стократ большая ненависть и жажда возмездия горит в груди советских людей к подлейшему из подлых, чья черная тень незримо сидит на скамье подсудимых, к вдохновителю и хозяину этих убийц — трижды проклятому Гитлеру.

Советские люди в сердцах своих уже вынесли свой приговор и гитлеровцам, сидящим на скамье подсудимых харьковского процесса, и тому, кто ещё до поры до времени скрывается в берлинском подземелье.

ХАРЬКОВ. (По телеграфу).

Суд над душегубами

Киев, Харьков, Полтава, когда-то такие весёлые, с бьющей через край жизненной энергией, а теперь похожие на людей, с трудом выздоравливающих от изнурительной, тяжёлой болезни, израненные, измученные. Чудесные здания, мощные заводы, превращённые в руины, в развалины, в кучи кирпича и камней... Белые украинские деревни с кудрявыми садами, со светлой тишиной ночей, с высокими «журавлями» у колодцев, возле которых так мило и тепло звенели по вечерам певучие женские голоса, — советские деревни, из которых вражеская рука сделала пустыню...

Я видел это, и это страшно, и это зовёт к священной мести.

Но страшнее всего, — со мною согласятся все, побывавшие теперь на Украине, — не сожжённые дома, не разрушенные заводы, не вытоптанные поля, не вырубленные сады и леса, — хотя и за это счёт, который предъявит Советская страна немецким негодяям, будет велик, — страшнее всего то, что делали немцы с людьми. О, эти глаза, которые видел я и в Харькове, и в Киеве, — глаза, в которых отражалась такая мука, что ей нет имени на человеческом языке, глаза людей, которых изо дня в день унижали, травили, топтали, истязали всеми возможными и невозможными физическими и моральными пытками, глаза, видевшие смерть близких, друзей, матерей, сестёр, глаза, одно воспоминание о которых терзает сердце наяву и во сне!

Они жили, киевляне, харьковчане, полтавцы, они хотели жить, они боролись за своё существование и достоинство, — и многие тысячи дождались того, о чём думали и мечтали тайно и трепетно, — своего освобождения из невыносимой немецкой неволи. Но сколько нужно пристального и любовного внимания к человеку, чтобы изгнать из глаз людей, побывавших в фашистском аду, отражение адского пламени!

Я вспомнил, я увидел перед собой эти полные нечеловеческой скорби глаза, читая обвинительное заключение и отчёты судебных заседаний по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Харькове, о 30.000 людей, зверски умерщвлённых немцами — носителями «нового порядка».

До чего дошли на земле человекоподобные существа, дающие на суде обстоятельные, глупо-откровенные показания о маленьком ребёнке, пристреленном потому, что он не хотел оторваться от трупа своей матери, замученной у него на глазах, о рациональности использования «газовых автомобилей», «душегубов»!..

Наш священный долг — правое возмездие, смерть убийцам, истребление истребителей. Три немца и один предатель, стоящие ныне в Харькове перед судом, видят над собою карающий меч правосудия. Но от этого меча не уйдут и все палачи, убийцы и истязатели украинского, белорусского, русского, — советского народа... Их попытки скрыть следы своих преступлений — торопливое сжигание трупов, неудавшаяся конспирация с «газовыми автомобилями» — только увеличивают количество и тяжесть улик. «Правда-месть», по слову Шевченка, найдёт этих грязных мерзавцев, от самого маленького исполнителя до самого большого вдохновителя, повсюду, найдёт на краю земли!

Только путём многолетнего вытравливания всего человеческого можно было выработать тот отвратительный тип гориллы в немецком мундире, который называется фашистом, гестаповцем, эсэсовцем. Он говорит на том же языке, на котором писал Шиллер. Он может для своих гнусных целей выучить и русский, и украинский язык, но, в сущности, у него нет ни одного слова, общего с человеком. Все понятия, которыми мы дорожим, во имя которых живём, трудимся, боремся, ему абсолютно чужды. Он не просто глух к ним, — у него нет органа для их восприятия. Он — не человек, и ему нет места среди людей.

Максим РЫЛЬСКИЙ.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Подразделение лейтенанта Ванюшина идёт в атаку.

Фото специального военного корреспондента «Известий» С. Гурария.

Новые кадры для сельского хозяйства

ВЛАДИВОСТОК, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). За последние годы в Приморье создана обширная учебная сеть по подготовке специалистов сельского хозяйства. Большой популярностью в крае пользуется организованная в селе Черниговка краевая школа трактористов и комбайнеров, которая дала уже приморским колхозам около 2.000 высококвалифицированных водителей комбайнов и тракторов. Сотни агрономов подготовили Черниговский техникум и Иманская специальная школа. Около тысячи комбайнеров и трактористов дал учебный комбинат, созданный при Сантахезском лесосовхозе.

Особенно много специалистов для сельского хозяйства подготовлено за время войны. Так, только в прошлом году учебные заведения и курсовая сеть дали для колхозов около 4.000 комбайнеров, трактористов, механиков, шоферов. Широко развернулась подготовка колхозных специалистов и в нынешнем году. К весне будет выпущено ещё 3 с половиной тысячи водителей машин. На ряду с этим сами колхозы начали готовить новые кадры бригадиров и звеньевых животноводов. Зимней учёбой в колхозах сейчас уже занято около 15.000 человек.

С меньшим числом рабочих дают больше продукции

АРХАНГЕЛЬСК, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). Молодёжь предприятий области подхватила славный почин московских комсомольских бригад, решивших с меньшим количеством рабочих выпускать больше продукции. На судоремонтном заводе Лименда 14 фронтовых комсомольских бригад высвободили 25 квалифицированных рабочих. В бригаде комсомольца Бекмана было 9 литейщиков, а теперь осталось 5, но они с успехом работают за девятерых. Значительно сокращено количество рабочих в бригадах кузнецов и слесарей, которыми руководят тт. Верещагин и Мелентьев. Молодёжь завода работает с огромным энтузиазмом. Все комсомольцы выполняют производственную норму на 180—250 процентов.

Почин молодых московских рабочих нашёл живой отклик и на Архангельском бумажном комбинате. В смене Зыковой число рабочих уменьшено на 5 человек. Комсомольцы работают с большой энергией, выполняя план на 180—190 проц. Только в 8 бригадах этого комбината высвобождено 302 рабочих, которые сейчас переведены на другие участки производства, где ощущался недостаток рабочих рук.

Вечерний университет марксизма-ленинизма в Ростове

РОСТОВ-на-ДОНУ, 17 декабря. (По телегр. от соб. корр.). Начались занятия во вновь открытом вечернем университете марксизма-ленинизма при Ростовском горкоме ВКП(б). В числе слушателей — секретари горкома и райкомов партии, председатели исполкомов райсоветов, партийный актив, руководители предприятий, инженеры. Помимо лекционного курса, в университете проводятся занятия в семинарах.

15.000 участников художественной самодеятельности

КАЛИНИН, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). Около 50 художественных коллективов Максатихинского района деятельно готовятся к районному и областному смотрам художественной самодеятельности. Драмколлектив районного Дома культуры работает над пьесами. Хор разучивает новые песни, посвящённые Отечественной войне. Художественный коллектив Пальчихинского сельсовета готовит скетчи, хоровые и сольные песни, декламацию, пляску. Сказительницы — колхозницы Шишмарева и Ланскова выступят на смотре со своими сказами.

Активно готовятся к смотру художественные коллективы и одиночки-исполнители Бежецкого, Сонковского, Калязинского и других районов.

Всего по области к участию в смотре готовятся 1.487 коллективов художественной самодеятельности, объединяющих около 15.000 человек. 392 коллектива созданы вновь за время подготовки к смотру.

Для детей погибших бойцов

НИЖНИЙ ТАГИЛ, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). Строительная организация, где начальником тов. Исаев, несколько месяцев выходила на первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании. По решению коллектива стройки деньги, полученные в качестве премии, решено было затратить на постройку дома для детей воинов, павших в боях за свободу и независимость нашей родины.

Такой дом сейчас построен и открыт. Здесь воспитываются дети почти всех национальностей Советского Союза. При доме организуются мастерские для обучения детей различным ремеслам.

В степи

Человек с биноклем у глаз следил за всем, что происходило в степи. Как только останавливался наш танк, техник-лейтенант Василий Ильченко мчался к нему. Лёгкие повреждения исправлялись на месте. Если этого не удавалось сделать своими силами, искалеченную машину отправляли в тыл.

Работы много. Ильченко уже успел побывать в трёх местах. Он нервничал. Он тяжело переживает, казалось бы, неизбежное повреждение любимых машин. Удары вражеских снарядов по крепкой броне глухой болью отдавались в его сердце, заставляли Ильченко беспокойно ворочаться на месте.

Несколько немецких машин застыли и дымят. События развиваются быстро, и лейтенант Ильченко с напряжением следит, как машина Павла Семакова давит немецкую батарею и вступает в единоборство с выдвинувшимся на бугор «фердинандом». Он любуется ловкими движениями машины Семакова. Танк стремительно меняет курс, увиливает от снарядов, мчится то вправо, то влево, но всегда вперёд, ближе к противнику.

Ильченко видит, как на броне «фердинанда» затанцовал язычок пламени. «Молодец Семаков!», — улыбается лейтенант. Немецкая самоходная пушка больше не двигается и не стреляет.

На лысых высотках показались фашистские танки. На их пути легли дымки разрывов. Ильченко оглянулся. Сердце тронула тревога. На участке, куда противник направлял танковый удар, три машины вышли из строя. Они стояли у развалин обгоревшего хуторка. Мимо шёл танк лейтенанта Тищенко. Ильченко остановил машину.

— Подбросьте, товарищ лейтенант! — сказал он. — Либо исправлю вон те три танка, либо вывезем их.

Техник-лейтенант показал рукой направление. Метрах в ста от цели танк Тищенко подбросило взрывом. Ильченко больно ударился о броню. Тищенко нерешительно, как бы стесняясь, сказал:

— Кажись, ранен.

По пальцам его стекала струйками кровь. Ильченко осторожно отстранил привалившегося к плечу водителя. Тот был мёртв. Техник-лейтенант тронул рычаги. Танк не потерял способности двигаться. Ильченко стал бросать машину из стороны в сторону, стремясь выскользнуть из кольца обстрела. Осколки выстукивали по броне, но прямых попаданий не было. И танку удалось уйти в укрытие.

Через полчаса Ильченко решил всё же подойти к трём подбитым машинам. Вдруг откуда-то сбоку вынырнул немецкий танк и открыл огонь по нашей батарее. Кольцо взрывов быстро сужалось.

Ильченко разворачивает башню своего танка. Он у прицела. На чёрных скрещенных линиях — силуэт вражеской машины. Короткое движение ногой, отдача, выстрел, вспышка огня на броне. Ветер доносит гул разрыва.

Ильченко вновь стреляет. Он увлечен боем, он забыл, что ему надо эвакуировать подбитые машины; внезапно ему вспомнились слова начальника:

— Не воюй, не увлекайся. Танки вытаскивай.

Ильченко улыбнулся: он и своё дело сделает, и немцу напакостит. Но Ильченко не знал, что у противника за железнодорожным полотном засада. Едва только Ильченко развернул машину, как позади танка послышался взрыв. Танк вильнул в сторону и стал. Запахло горелым маслом, повалил дым. Ильченко выскочил из машины, помог выбраться товарищам и подбежал к стоящим впереди танкам.

— Есть кто? — он стучит в броню.— Это я, Ильченко.

В ответ он слышит стон и голос Гамова:

— Ранен, но машина исправна. Водитель есть, приходит в себя от контузии.

Ильченко в танке. Он полон боевого напряжения. Проверяет пушку. Действует! Из лощины выползает немецкая пехота. Но не это тревожит техника-лейтенанта. Он видит на поле боя до двух десятков немецких машин. Наша артиллерия накрывает их огнём. Три немецких машины горят, остальные пятятся назад и вновь идут в атаку. Ильченко разворачивает башню.

— Заряжай! — командует он сам себе и стреляет.

— Попал! — отвечает ему Гамов, забыв о ранении.

— А второй как? — стреляя, спрашивает Ильченко. — Как первый?

— Точно. Прямым.

Из танка и самоходной пушки выскакивают немцы.

— Осколочный! — весело кричит Ильченко и снова стреляет.

Серые фигуры падают на землю и уже не поднимаются.

В это время несколько взрывов сотрясают воздух.

— Наблюдай, Гамов, наблюдай, откуда бьют, — кричит сквозь грохот боя Ильченко.

Техник-лейтенант ищет противника.

— Правее «фердинанд»!

— Бью по «фердинанду»!

Ильченко охватывает радостное возбуждение. И он тормошит контуженного водителя:

— Терпи, дорогой, поторапливайся!

Танк стал за бугор. Позиция выгодная. Ильченко ожидает. Степь дымит. Широкие следы танковых гусениц разбегаются в стороны. Контратака врага захлебнулась. В атаку пошла наша пехота. Участились автоматные очереди. Но вот во фланг атакующей пехоте немцы бросили танк и самоходную пушку «фердинанд».

— Левее враг! — предупреждает раненый Гамов.

Ильченко стреляет по танку. Мимо. Немец разворачивает башню. Опередил Ильченко. Ещё выстрел. Дымом окутывается фашистский танк.

— Удерёт, — с досадой говорит Ильченко.

— Куда там он удерёт?! Загорелся.

— Да я не про танк. «Фердинанд» удерёт. Снаряд-то последний.

Гамов не отвечает. Что сказать? Одним снарядом трудно попасть. Надо готовиться к худшему. «Фердинанд» разворачивается, он щупает жерлом пушки горизонт, выискивая советский танк, который вёл огонь.

— Эх, последним!

Лицо Ильченко серьёзно, глаза покраснели от напряжения. Техник-лейтенант целится, но не стреляет. Он проверил прицел, затаил дыхание и медленно поймал в призму прицела стальную коробку самоходной пушки. Она стреляла и пятилась назад. Ильченко приказал выдвинуть танк вперёд. Так опаснее, но прицел вернее. На «фердинанде» заметили танк. Немецкая самоходка рванулась в атаку, но Ильченко выстрелил раньше. Самоходная пушка осела на правый бок. Хлопья чёрного дыма разлетались от нее в стороны...

Бой продвинулся вперед. Полковник ездил по полю. Он спрыгнул с вёрткой фронтовой машины и строго окликнул:

— Кто дрался? Чей танк?

— Танк мой, — отвечал лейтенант Гамов. — Дрался наш техник-лейтенант Ильченко.

— Так и есть. Ввязался. А эвакуировать танки кто будет?

Гамов пытался защитить товарища.

— Так вышло...

— Вышло! Вышло! У него всегда выходит.

Полковник в душе гордился своим питомцем, но порядок есть порядок.

— А это что? — спросил он Гамова. Кровь проступала на шинели.

— Ранен.

Полковник совсем рассердился.

— Марш в госпиталь! — приказал он. — Да побыстрей отвезите, — добавил командир шоферу своей машины и направился к Ильченко, который старательно возился у подбитых танков...

П. НИКИТИН,
спец. корреспондент «Известий».
ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 17 декабря.

Эшелон новогодних подарков фронту

ЧЕЛЯБИНСК, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). Трудящиеся Челябинской области отправили эшелон с новогодними подарками бойцам и офицерам Красной Армии. Послано много продуктов — жареные гуси, куры, утки, поросята, мед, масло, соления, печения. Предприятия области изготовили большое число зажигалок, портсигаров, бритв и т. д. В посылки вложены также рукавицы, валенки, фуфайки, кисеты, носовые платки, вино, одеколон, сладости, мясные изделия и др.

Фронтовики на учебе

ГОРЬКИЙ, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). В горьковских вузах обучается около 100 бывших фронтовиков. Часть из них освобождена из Красной Армии по инвалидности, другая отпущена для получения специальности.

Среди студентов-фронтовиков есть гвардейцы, орденоносцы. По общим отзывам профессоров, преподавателей и общественных организаций вузов фронтовики показывают пример дисциплинированности и усердия в учебе.

Некоторые из фронтовиков в текущую зиму завершают учебу. Например, фронтовик В. Г. Иванов проходит преддипломную практику и работает сейчас над дипломом.

у приходилось и самому подтаскивать в
авить детей под дуло эсэсовца. Вот он
еверно поглядывает на свои руки, может
ть, припоминая, как были они тогда дет-
ими ноготками исцарапаны, потому что
обще они шли неохотно, — так выразил-
сегодня в заседании суда офицер гер-
анской армии Лангхельд. Он, наверное,
ень утомился в тот жаркий денек, Була-
в. Но детский крик: «Дяденька, я
юсь», он запомнил.' Значит, это громче

разделили на небольшие группы и, докурив скверные немецкие папиросы, принялись за работу:

— Ну-ка, вы, — сказал, протягивая Рицу автомат, все тот же Ханебиттер. — Ну, покажите, на что вы способны, молодой человек.

И Риц взял автомат и выпустил несколько очередей в ожидавших своей очереди харьковчан. Риц морщится: они были такие растерзанные, полуголые, с обе-

Не муаровая лента фашистской медали сомкнётся у тебя на шее, убийца, а нечто другое, прочное, пеньковое и более приличное подлецу. Слушай нас, маленькая из братской ямы в Нижне-Чирской станице. Мир поднялся на твоё отмщение. Фашистская Германия слезами отмоет мир, забрызганный кровью из твоей простреленной шейки.

Леонид ЛЕОНОВ.

ХАРЬКОВ. (По телеграфу).

Правосудие свершается

— Какие мысли и чувства овладевают
ами здесь, в зале судебного заседания по
лу о зверствах немецко-фашистских за-
хватчиков в городе Харькове и в Хар-
ской области? — С таким вопросом обра-
ился наш специальный корреспондент к
екоторым харьковчанам, присутствующим
а процессе. Ниже мы публикуем их ответы.

Г. ПРОСКУРА — действительный член Академии наук УССР

Я старый харьковчанин, в этом городе
прожил 32 года. Легко представить се-
бе, какую боль доставили моему старому
сердцу руины и пепелища родного Харь-
кова. Особенно бесчинствовали немецкие
варвары в наших институтах, научно-
исследовательских лабораториях, в школах
библиотеках. Они стремились стереть
лица земли нашу национальную куль-
туру, научные и исторические ценности,
накопленные веками упорного труда все-
народа.

На этом суде во всей своей ужасающей полноте выясняются преступления немецких захватчиков, зверски истреблявших мирное население Украины. И облик нашего Харькова — центра науки и культуры Украинской республики, города, истерзанного врагом, является неотразимым обвинителем германской армии, нанесшей страшные раны культуре и науке моей родной страны.

Нужно ли говорить, какой радостью и глубоким удовлетворением охвачено всё твоё существо, когда ты видишь, что первые из пойманных гитлеровских разбойников сидят на скамье подсудимых перед советским судом и получат должное возмездие за свои преступления.

К. М. МАМОТЕНКО — директор завода «Свет шахтёра»

Сколько труда вложили наши люди в завод «Свет шахтёра» и создали первоклассное предприятие, детище сталинских пятилеток. Теперь вместо завода — груда развалин. Это сделали вот такие же Лангхельды, Рицы, Реплавы, что держат сейчас ответ перед советским судом.

Мы были заняты созидательным трудом, строили заводы и фабрики, театры, клубы, санатории. А в это время фашистская Германия лихорадочно создавала самые изощрённые машины для истребления людей и разрушения материальных ценностей народов. Там воспитывалась армия человеконенавистников, жестоких и подлых садистов, убийц и грабителей. Вот они, представители этой армии, сидят на скамье подсудимых. Рядом с ними изменник родины, продавшийся врагу за лохмотья одежды, сорванной с убитых советских людей.

На нашем заводе, который возрождается на страшных руинах, проходят собрания и беседы, посвящённые харьковскому процессу. Нужно видеть, с какой ненавистью, с каким отвращением говорят рабочие о подсудимых, обвиняющихся на данном суде. И во стократ большая ненависть и жажда возмездия горят в груди советских людей к подлейшему из подлых, чья черная тень незримо сидит на скамье подсудимых, к вдохновителю и хозяину этих убийц — трижды проклятому Гитлеру.

Советские люди в сердцах своих уже вынесли свой приговор и гитлеровцам, сидящим на скамье подсудимых харьковского процесса, и тому, кто ещё до поры до времени скрывается в берлинском подземелье.

ХАРЬКОВ. (По телеграфу).

Суд над душегубами

Киев, Харьков, Полтава, когда-то такие весёлые, с бьющей через край жизненной энергией, а теперь похожие на людей, с трудом выздоравливающих от изнурительной, тяжёлой болезни, израненные, измученные. Чудесные здания, мощные заводы, превращённые в руины, в развалины, в кучи кирпича и камней... Белые украинские деревни с кудрявыми садами, со светлой тишиной прудов, с высокими «журавлями» у колодцев, возле которых так мило и тепло звенели по вечерам певучие женские голоса, — советские деревни, из которых вражеская рука сделала пустыню...

Я видел это, и это страшно, и это зовёт к священной мести.

Но страшнее всего, — со мною согласятся все, побывавшие теперь на Украине, — не сожжённые дома, не разрушенные заводы, не вытоптанные поля, не вырубленные сады и леса, — хотя и за это счёт, который пред'явит Советская страна немецким негодяям, будет велик, — страшнее всего то, что делали немцы с людьми. О, эти глаза, которые видел я в Харькове, в Киеве, — глаза, в которых отразилась такая мука, что нет для неё слов на человеческом языке, глаза людей, которых изо дня в день пытали, травили, топтали, истязали всеми возможными и невозможными физическими и моральными пытками, глаза, видевшие смерть близких, друзей, матерей, сестёр, глаза, одно воспоминание о которых терзает сердце наяву и во сне!

Они жили, киевляне, харьковчане, полтавцы, они хотели жить, они боролись за свое существование и достоинство, — и многие тысячи дождались того, о чём думали и мечтали тайно и трепетно, — своего освобождения из невыносимой немецкой неволи. Но сколько нужно пристального и любовного внимания к человеку, чтобы изгнать из глаз людей, побывавших в фашистском аду, отражение адского пламени!

Я вспомнил, я увидел перед собой эти полные нечеловеческой скорби глаза, читая обвинительное заключение и отчёты судебных заседаний по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Харькове, о 30.000 людей, зверски умерщвлённых немцами — носителями «нового порядка».

До чего дошли на земле человекоподобные существа, дающие на суде обстоятельные, гнусно-откровенные показания о маленьком ребенке, пристреленном потому, что он не хотел оторваться от трупа своей матери, замученной у него на глазах, о рациональности использования «газовых автомобилей», «душегубок»!..

Наш священный долг — правое возмездие, смерть убийцам, истребление истребителей. Три немца и один предатель, стоящие ныне в Харькове перед судом, видят над собою карающий меч правосудия. Но от этого меча не уйдут и все палачи, убийцы и истязатели украинского, белорусского, русского, — советского народа... Их попытки скрыть следы своих преступлений — торопливое сжигание трупов, неудавшаяся конспирация с «газовыми автомобилями» — только увеличивают количество и тяжесть улик. «Правда-месть», по слову Шевченка, найдёт этих грязных мерзавцев, от самого маленького исполнителя до самого большого вдохновителя, повсюду, найдёт на краю земли!

Только путём многолетнего вытравливания всего человеческого можно было выработать тот отвратительный тип гориллы в немецком мундире, который называется фашистом, гестаповцем, эсэсовцем. Он говорит на том же языке, на котором писал Шиллер. Он может для своих гнусных целей выучить и русский, и украинский язык, но, в сущности, у него нет ни одного слова, общего с человеком. Все понятия, которыми мы дорожим, во имя которых живём, трудимся, боремся, ему абсолютно чужды. Он не просто глух к ним, — у него нет органа для их восприятия. Он — не человек, и ему нет места среди людей.

Максим РЫЛЬСКИЙ.

ских комсомольских бригад, решивших с меньшим количеством рабочих выпускать больше продукции. На судоремонтном заводе Лименда 14 фронтовых комсомольских бригад высвободили 25 квалифицированных рабочих. В бригаде комсомольца Бекмана было 9 литейщиков, а теперь осталось 5, но они с успехом работают за девятерых. Значительно сокращено количество рабочих в бригадах кузнецов и слесарей, которыми руководят тт. Верещагин и Мелентьев. Молодёжь завода работает с огромным энтузиазмом. Все комсомольцы выполняют производственную норму на 180—250 процентов.

Почин молодых московских рабочих нашёл живой отклик и на Архангельском бумажном комбинате. В смене Зыковой число рабочих уменьшено на 5 человек. Комсомольцы работают с большой энергией, выполняя план на 180—190 проц. Только в 8 бригадах этого комбината высвобождено 302 рабочих, которые сейчас переведены на другие участки производства, где ощущался недостаток рабочих рук.

Вечерний университет марксизма-ленинизма в Ростове

РОСТОВ-на-ДОНУ, 17 декабря. (По телегр. от соб. корр.). Начались занятия во вновь открытом вечернем университете марксизма-ленинизма при Ростовском горкоме ВКП(б). В числе слушателей — секретари горкома и райкомов партии, председатели исполкомов райсоветов, партийный актив, руководители предприятий, инженеры. Помимо лекционного курса, в университете проводятся занятия в семинарах.

15.000 участников художественной самодеятельности

КАЛИНИН, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). Около 50 художественных коллективов Максатихинского района деятельно готовятся к районному и областному смотрам художественной самодеятельности. Драмколлектив районного Дома культуры работает над пьесами. Хор разучивает новые песни, посвящённые Отечественной войне. Художественный коллектив Пальчихинского сельсовета готовит скэтчи, хоровые и сольные песни, декламацию, пляску. Сказительницы—колхозницы Шишмарева и Ланскова выступят на смотре со своими сказами.

Активно готовятся к смотру художественные коллективы и одиночки-исполнители Бежецкого, Сонковского, Калязинского и других районов.

Всего по области к участию в смотре готовятся 1.487 коллективов художественной самодеятельности, об'единяющих около 15.000 человек. 392 коллектива созданы вновь за время подготовки к смотру.

Для детей погибших бойцов

НИЖНИЙ ТАГИЛ, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). Строительная организация, где начальником тов. Исаев, несколько месяцев выходила на первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании. По решению коллектива стройки деньги, полученные в качестве премии, решено было затратить на постройку дома для детей воинов, павших в боях за свободу и независимость нашей родины.

Такой дом сейчас построен и открыт. Здесь воспитываются дети почти всех национальностей Советского Союза. При доме организуются мастерские для обучения детей различным ремеслам.

вышли из строя. Они стояли у развалин обгоревшего хуторка. Мимо шёл танк лейтенанта Тищенко. Ильченко остановил машину.

— Подбросьте, товарищ лейтенант! — сказал он. — Либо исправлю вон те три танка, либо вывезем их.

Техник-лейтенант показал рукой направление. Метрах в ста от цели танк Тищенко подбросило взрывом. Ильченко больно ударился о броню. Тищенко нерешительно, как бы стесняясь, сказал:

— Кажись, ранен.

По пальцам его стекала струйками кровь. Ильченко осторожно отстранил привалившегося к плечу водителя. Тот был мёртв. Техник-лейтенант тронул рычаги. Танк не потерял способности двигаться. Ильченко стал бросать машину из стороны в сторону, стремясь выскользнуть из кольца обстрела. Осколки выстукивали по броне, но прямых попаданий не было. И танку удалось уйти в укрытие.

Через полчаса Ильченко решил всё же подойти к трём подбитым машинам. Вдруг откуда-то сбоку вынырнул немецкий танк и открыл огонь по нашей батарее. Кольцо взрывов быстро сужалось.

Ильченко разворачивает башню своего танка. Он у прицела. На чёрных скрещенных линиях — силуэт вражеской машины. Короткое движение ногой, отдача, выстрел, вспышка огня на броне. Ветер доносит гул разрыва.

Ильченко вновь стреляет. Он увлечен боем, он забыл, что ему надо эвакуировать подбитые машины; внезапно ему вспомнились слова начальника:

— Не воюй, не увлекайся. Танки вытаскивай.

Ильченко улыбнулся: он и своё дело сделает, и немцу напакостит. Но Ильченко не знал, что у противника за железнодорожным полотном засада. Едва только Ильченко развернул машину, как позади танка послышался взрыв. Танк вильнул в сторону и стал. Запахло горелым маслом, повалил дым. Ильченко выскочил из машины, помог выбраться товарищам и подбежал к стоящим впереди танкам.

— Есть кто? — он стучит в броню. — Это я, Ильченко.

В ответ он слышит стон и голос Гамова:

— Ранен, но машина исправна. Водитель есть, приходит в себя от контузии.

Ильченко в танке. Он полон боевого напряжения. Проверяет пушку. Действует! Из лощины выползает немецкая пехота. Но не это тревожит техника-лейтенанта.

кующей пехоте немцы бросили танк
моходную пушку «фердинанд».

— Левее враг! — предупреждает
ненный Гамов.

Ильченко стреляет по танку.
Немец разворачивает башню. Опе
Ильченко. Ещё выстрел. Дымом о
вается фашистский танк.

— Удерёт, — с досадой говорит
ченко.

— Куда там он удерёт?! Загорел

— Да я не про танк. «Ферди
удерёт. Снаряд-то последний.

Гамов не отвечает. Что сказать?
снарядом трудно попасть. Надо готов
к худшему. «Фердинанд» разворачива
он щупает жерлом пушки горизонт,
искивая советский танк, который
огонь.

— Эх, последним!

Лицо Ильченко серьёзно, глаза п
нели от напряжения. Техник-лейт
целится, но не стреляет. Он про
прицел, затаил дыхание и медленно
мал в призму прицела стальную ко
самоходной пушки. Она стреляла и
лась назад. Ильченко приказал выдв
танк вперёд. Так опаснее, но прицел
нее. На «фердинанде» заметили тан
мецкая самоходка рванулась в атак
Ильченко выстрелил раньше. Самох
пушка осела на правый бок. Хлопья
ного дыма разлетались от нее в стор

Бой продвинулся вперед. Пол
ездил по полю. Он спрыгнул с в
фронтовой машины и строго окликну

— Кто дрался? Чей танк?

— Танк мой, — отвечал лейт
Гамов. — Дрался наш техник-лейт
Ильченко.

— Так и есть. Ввязался. А эвакуи
танки кто будет?

Гамов пытался защитить товари

— Так вышло...

— Вышло! Вышло! У него всег
ходит.

Полковник в душе гордился свои
томцем, но порядок есть порядок.

— А это что? — спросил он Гамо
Кровь проступала на шинели.

— Ранен.

Полковник совсем рассердился.

— Марш в госпиталь! — приказал
Да побыстрей отвезите, — добавил к
дир шоферу своей машины и напра
к Ильченко, который старательно во
у подбитых танков...

П. НИКИТ
спец. корреспондент «Извест

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 17 дека

Эшелон новогодних подарков фронту

ЧЕЛЯБИНСК, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). Трудящиеся Челябинской области отправили эшелон с новогодними подарками бойцам и офицерам Красной Армии. Послано много продуктов — жареные гуси, куры, утки, поросята, мед, масло, соления, печения. Предпр
области изготовили большое число
галок, портсигаров, бритв и т. д. В по
ки вложены также рукавицы, валенки
файки, кисеты, носовые платки, вино,
колон, сладости, мясные изделия и д

Фронтовики на учёбе

ГОРЬКИЙ, 17 декабря. (По телеф. от соб. корр.). В горьковских вузах обучается около 100 бывших фронтовиков. Часть из них освобождена из Красной Армии по инвалидности, другая отпущена для получения специальности.

Среди студентов-фронтовиков есть гвардейцы, орденоносцы. По общим отзывам профессоров, преподавателей и общественных организаций вузов фронтовики п
зывают пример дисциплинированност
усердия в учёбе.

Некоторые из фронтовиков в теку
зиму завершают учёбу. Например, ф
товик В. Г. Иванов проходит предди
ную практику и работает сейчас
дипломом.